

**105 ЛЕТ ЮРИДИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ
ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ПУБЛИКАЦИИ УЧЕНЫХ ФАКУЛЬТЕТА**

УДК 342.98

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/7-32>

**КОНСЕРВАТИЗМ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
КАК ГАРАНТИЯ ПРОГРЕССА В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
И ИНЫХ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

Ю. Н. Старилов

Воронежский государственный университет

**CONSERVATISM OF THE LEGAL POLICY AS A GUARANTEE
OF PROGRESS IN THE SPHERE OF ADMINISTRATIVE
AND OTHER PUBLIC LEGAL RELATIONS**

Yu. N. Starilov

Voronezh State University

Аннотация: рассматриваются отдельные аспекты воздействия административной правовой политики на формирование и изменение российского административного (материального и процессуального) права. В центр авторского повествования выводится консервативный подход к развитию сферы административных и иных публичных правоотношений, основанный на традиционных принципах как верховенства права, так и правового государства, и учитывающий национальные исторические, социальные, правовые, государственные стандарты и представления о предназначении государственной власти, публичной администрации, государственной службы, надлежащего публичного управления, эффективной судебной защиты. Целью правовой политики определяются созидание и обеспечение прогрессивного развития административного законодательства, обуславливающего конструирование и внедрение в юридическую практику нормативных правовых механизмов и процедур, гарантирующих надлежащие правовые параметры публичного управления и эффективную судебную защиту в области публичного правопорядка. Подвергаются критическому осмыслению используемые на практике некоторые юридические термины и институты, не способные в полной мере установить гармоничное и полноценное осуществление механизма правоотношений вне учета контекста национального правового регулирования. Административное право как наука в глобальном плане исследует стратегические подходы и оперативные порядки изменения общего административного законодательства, которые основываются на обновленных приоритетах развития исполнительной власти, административной системы, взаимодействия органов публичной власти с гражданами и организациями, внедрения полезных технологий цифровизации и искусственного интеллекта в режим реализации правоотношений в публичной сфере.

Ключевые слова: верховенство права, правовое государство, публичная власть, консерватизм, либерализм, правовая политика, административно-правовая политика, правовая рецепция, публичное управление, сфера административных и иных публичных правоотношений, административные акты, административные процедуры, административное судопроизводство, судебная защита, административная ответственность, прогрессивное развитие, цифровизация.

Abstract: some aspects of the impact of administrative legal policy on the formation and change of Russian administrative (substantive and procedural) law are considered. The author's narrative focuses on a conservative approach to the development of the sphere of administrative and other public

legal relations, based on the traditional principles of both the rule of law and lawful state, and taking into account national historical, social, legal, state standards and ideas about the purpose of state power, public administration, civil service, proper public administration, effective judicial protection. The purpose of the legal policy is to create and ensure the progressive development of administrative legislation, that determines the design and implementation in legal practice of regulatory legal mechanisms and procedures that guarantee the proper legal parameters of public administration and effective judicial protection in the field of public order. Some legal terms and institutions used in practice that are not able to fully establish the harmonious and full implementation of the mechanism of legal relations outside the context of national legal regulation are subjected to critical reflection. Administrative law as a science globally explores strategic approaches and operational procedures for changing general administrative legislation based on updated priorities for the development of the executive branch, the administrative system, the interaction of public authorities with citizens and organizations, the introduction of useful digitalization technologies and artificial intelligence in the mode of implementing legal relations in the public sphere.

Key words: rule of law, constitutional state, public authority, conservatism, liberalism, legal policy, administrative and legal policy, legal reception, public administration, sphere of administrative and other public legal relations, administrative acts, administrative procedures, administrative proceedings, judicial protection, administrative responsibility, digitalization.

Иногда он был даже чересчур либерален и, быть может, устрасил бы меня резкостью некоторых своих положений, если бы они были высказаны не в то простодушное время, когда о «неблагонадежных элементах» не было и помина, а в «настоящее время, когда...».

Салтыков-Щедрин М. Е. Благонамеренные речи

Правовой политике¹ в последние десятилетия посвящается множество научных трудов, причем написанных как в общем доктринально-теоретическом плане, так и в обособленном отраслевом правовом регулировании. Правовая политика всегда рассматривается в качестве важнейшего элемента государственной политики. Следовательно, в зависимости от новых жизненных обстоятельств, новых поворотов в установлении национальных приоритетов, социально назревших планирований, универсальной модернизации общества и государства выстраиваются и более актуальные планы совершенствования многообразных областей правопорядка как в частном, так и в публичном праве.

В самом начале статьи, в названии которой упор делается на *консерватизм* разрабатываемой правовой политики в сфере административных и иных публичных правоотношений, нужно отметить, что автор не идеализирует *консерватизм* и не прибегает к тотальной критике *либеральных* подходов в создании правовых институтов, развертывании системы правового регулирования вновь складывающихся отношений, порядков, процедур. Этим двум понятиям

и, соответственно, двум видам правовой политики необходимо взаимодействовать; они рассматриваются в сравнении, у каждого из них имеются слабые и сильные стороны, преимущества и недостатки; допустимы как временное усиление соответствующей методологии в выстраивании административной системы, так и модернизация законодательства, замена устаревших стандартов управленческого и правового воздействия. Главное – проводить уравновешенную (сбалансированную) работу по достижению целей и решению задач совершенствования механизма правового регулирования. При этом практически всегда встает вопрос об изучении зарубежного опыта юридической регламентации соответствующих управленческих отношений, учете действующих в других странах законодательных актов, выделении в качестве приоритетных принципиальных положений, способных улучшить юридическую практику, а также проработке вопроса о возможном их использовании в процессе проведения отечественных правовых, судебных и административных реформ.

Правовая политика может способствовать *прогрессивному* развитию административного законодательства в случае, если она имеет цели и задачи, обуславливающие конструирование и

¹ См., например: Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики) : монография : в 2 ч. М. : Норма, 2023. С. 305–870.

внедрение в юридическую практику нормативных правовых механизмов и процедур, гарантирующих надлежащие стандарты публичного управления и эффективную судебную защиту в сфере публичного правопорядка. Бесспорно, всякая правовая политика, задуманная для устойчивого² развития российского административного и административного процессуального законодательства, должна основываться на конституционных ценностях, юридических нормах, правовых принципах и процедурах. Здесь уместно привести слова председателя Конституционного Суда Российской Федерации профессора В. Д. Зорькина из его переработанной и изданной в 2023 г. монографии «Право против хаоса»: «Принцип верховенства права лежит в основе современной человеческой цивилизации»³. Именно поэтому председатель Конституционного Суда Российской Федерации называет ее цивилизацией права. А далее идут последовательные авторские суждения о «тайне беззакония, об опасности разрыва между нормативностью морали и закона»⁴. Верховенство права и верховенство Конституции Российской Федерации – основа и главный критерий для развития административного материального и процессуального права; правовые идеалы, которые можно представить и обосновать в сфере административных и иных публичных правоотношений, сами по себе концептуально выражаются в верховенстве права.

Несмотря на сложности в толковании доктрины верховенства права, сложились ясные критерии ее представления, трактовки и оценки; известны полезность и перспективность верховенства права при создании нового законодательства в странах, где данная теория не принималась во внимание на каком-то этапе своего развития. Верховенство права может доминировать при осуществлении как либеральной, так и консервативной правовой политики. Проведены весьма интересные исследования, в

² Можно воспользоваться обозначенными в литературе подходами к определению устойчивости. К примеру, Б. В. Россинский понимает под устойчивостью «способность системы сохранять текущее состояние при влиянии внешних воздействий». См.: *Россинский Б. В. Исполнительная власть в системе государственного управления* : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 308.

³ *Зорькин В. Д. Право против хаоса* : монография. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2023. С. 5.

⁴ Там же. С. 13–27.

которых рассматривается вопрос с самых универсальных позиций о возможности укоренения и безраздельного господства в России *верховенства права*: «неустойчивость режима верховенства права» объясняется «правовым утилитаризмом», когда «на весах правосознания... отсутствует социальная норма верховенства права»⁵. Невозможно возразить авторскому подходу, заключающемуся в том, что верховенство права есть прочная основа для развития доктрины правового государства, базирующейся на «концепции писаной конституции как главного, имеющего высшую юридическую силу законодательного акта государства для стран континентальной системы права»⁶.

Всемерно поддерживая концепцию верховенства права как систему принципов, направленных на обеспечение благополучия общества, полноценного взаимного контроля внутри государственной власти, юридической защиты прав и свобод граждан, надлежащего экономического развития, функционирование всех ветвей государственной власти, невозможно не поставить вопрос о заложенном в глубинах самого верховенства права *консерватизме* – с его требованиями: обеспечивать законное, справедливое, обоснованное и правильное рассмотрение и разрешение административного или иного дела (спора); определять ограничения усмотрения (административного или судебного) пределами установленной дискреции должностных лиц и судей; детерминировать надлежащие процессуальные статусы участников как административных процедур, так и судопроизводства; внедрять в практику публичной службы дисциплинирующие государственных служащих принципы государственной службы; узаконивать в системе контрольно-надзорной деятельности выразительные и плодотворные современные принципы осуществления государственного контроля и надзора. Эти и иные основополагающие положения действующего российского законодательства непременно раскрывают потенциал верховенства права и доказывают саму возможность

⁵ *Фогельсон Ю. Социальная история российского права и возможность верховенства права в России* // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 158.

⁶ *Завгородняя А. А. Верховенство права в российской модели конституционализма и динамичное равновесие интересов в обществе* // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 5.

принятия и интеллектуального разделения доминирующих ценностей данной концепции обществом, гражданами и государственным аппаратом. Очевидно, когда речь заходит о практике осуществления верховенства права, то вновь возникает разговор об отсутствующем консервативном подходе государства к правовому воспитанию, надлежащей борьбе с коррупцией, многочисленным изъятиям из общих принципов правоприменения применительно к той или иной группе людей, организаций, отдельных граждан, использованию неформальных воздействий при принятии должностными лицами правовых решений, забвению идеалов справедливости, честности и добросовестности. Хотя равенство перед законом и сам режим законности также находятся внутри концепции верховенства права.

В российской юридической науке за все годы исследования правовой политики в качестве традиционного сформировался подход по разработке *видов* правовой политики в зависимости от *отрасли права*. Теоретический анализ правовой политики в системе публичного права, и, главным образом, *конституционного*⁷, обоснованно выходит на первый план научных изысканий. С одной стороны, конституционная реформа 2020 г. усилила юридическую реальность новейшими понятиями и институтами, например, такими терминами, как «публичная власть», «организация публичной власти», «единая система публичной власти», «федеральная территория», «предварительный конституционный контроль», «публичный правопорядок», институты гражданского общества и «поддержка институтов гражданского общества». В сущности, все эти терминологические политико-юридические новшества – результат правовой политики, который теперь целеустремленно и весьма содержательно оценивается, анализируется, изучается во взаимодействии; да и впереди стоят масштабные задачи по прогнозированию их перспективности и устойчивости⁸. По мнению ученых, конституционные поправки способствуют установлению прочных гарантий верховен-

ства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории страны, а также способны обеспечить гражданам реальные возможности в управлении делами государства⁹. С другой стороны, отмечается и «некоторая неудовлетворенность, поскольку очевидна дробность институтов власти»¹⁰.

Движение в сторону консерватизма можно обнаружить и в новой редакции ст. 76 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», установившей запрет на обнародование в какой-либо форме особого мнения судьи или публичную ссылку на него. Как пишет А. К. Арановский, «выбытие институции из конституционно-правовой видимости позволяет, в частности, обсуждать не только саму возможность ее исчезновения, но и корреляции, причины, последствия таких перемен и движений в национальном праве, представлять их и трактовать в системном плане, в симптоматическом значении, в прогностической проекции»¹¹. Мнения ученых об изменившемся в результате конституционной реформы 2020 г. правовом положении Конституционного Суда Российской Федерации в механизме разделения властей (например, сокращение числа судей¹²) также можно интерпретировать и как консервативную позицию в модернизации института конституционного контроля в стране.

Если говорить о государственном (публичном) управлении, сфере административных и иных публичных правоотношений, то, несомненно, новейшие требования по преобразованию публично-правовых институтов и административно-правовых режимов заставляют законодателей и ученых задумываться над главными направлениями правовой политики в сфере административного и административного процессуального права. В сущности, речь идет о со-

⁹ См.: Толкачев К. Б. Указ. соч. С. 11.

¹⁰ Тихомиров Ю. А. Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 13.

¹¹ Арановский К. В. Верховенство права в частностях конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 6. С. 36.

¹² См.: Велиева Д. С., Пресняков М. В. Правовая определенность и права человека : монография. Саратов : Саратов. источник, 2021. С. 398. См. также: Кряжкова О. Российский Конституционный Суд в 2022 году: под знаком стабильности // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 1. С. 113–127.

⁷ См., например: Толкачев К. Б. Развитие конституционных основ российской правовой политики // Государство и право. 2023. № 2. С. 7–16.

⁸ См., например: Реформа организации публичной власти : основные направления реализации : монография / отв. ред. А. Е. Постников, Л. В. Андриченко. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. С. 10–11.

вершенствовании административного правового регулирования управленческих и других отношений, непосредственно связанных с ними как по формам и способам взаимодействия, так и по надлежащему взаимному контролю. И одним из первых вопросов считается выяснение целеполагания в правовой политике в указанной области правоотношений, установка приоритета *консервативных начал* в ее содержании и потенциальном воздействии на реальные отношения по упорядочению процедур как в системе организации и функционирования публичного управления, так и при взаимодействии с гражданами и организациями.

Публичное управление претерпевает изменения, порой и кардинальные, в условиях возникновения и распространения кризисов или неблагоприятных развитий. Как известно, кризис в общественном развитии, деградация публично-правовых институтов, пандемия и иные глобальные негативные процессы, с одной стороны, а также стремительная информатизация, динамичное развитие электронного взаимодействия, цифровизация – с другой, – всё это создает весьма заметные стимулы для коренного пересмотра политики, государственно-правового строительства, замены приоритетов и парадигм прогрессивного развития. Законодатель и правительство начинают изменять систему и структуру публичного управления, устанавливая новые правовые положения, конкретизировать компетенции, модернизировать административные процедуры по принятию управленческих решений¹³. В более широком плане на систему и эффективность публичного управления воздействует само общество, иные социальные институты, создаваемые для осуществления социального контроля; государство предлагает заметно ослабить режим контрольно-надзорной деятельности, использует новые парадигмы централизации и децентрализации.

Разрабатываемая правовая политика может базироваться на проверенных временем конституционных целях и нормативных ориентирах, определяющих, в свою очередь, траекторию развития российского административного и адми-

нистративного процессуального права в нашей стране. Учитывая противоречия государственно-правового регулирования и отчасти неблагоприятные результаты формирования сферы административных правоотношений, уместно сделать акцент на консервативности правовой политики, заключающейся в развитии и обеспечении стабильных, устойчивых и твердых по своему правовому содержанию институтов, лишенных в сущности «передовой» (с точки зрения поверхностной оценки, модных или модернизированных подходов) терминологии и юридической технологии, и приводящей, к сожалению, к нагромождению иностранных терминов, выработанных и приспособленных в соответствии с конституционными ценностями, нормами и институтами, доминирующими в иных национальных правовых порядках. Сразу же можно предположить и, конечно, ожидать постановки вопросов относительно самих конституционных ценностей, их содержания и стандартов, разворачиваемых в других странах в соответствии с идеологией правового государства или верховенства права. Именно «погоня» за новой терминологией, с одной стороны, и желание быстро сделать административное законодательство современным, привлекательным, признаваемым, эффективно действующим – с другой, становились в недавнем прошлом главнейшими ориентирами модернизации административно-правовой системы.

В литературе можно встретить призыв «отказаться от следования насаждавшейся в предшествующие три десятилетия модели правового государства в ее неолиберальном, прозападном истолковании и сосредоточиться на построении модели правового и социального государства, достижении такого экономического и общественно-политического уклада, при котором право является прямым синонимом понятия о социальной справедливости»¹⁴. Иными словами, предлагается считать главнейшей целью формирование государства, в котором торжествуют *социальная справедливость и верховенство права*¹⁵. При этом обеспечение верховенства права не только не отрицается, но и ставится в каче-

¹³ См.: Правовое управление в кризисных ситуациях : монография / С. Б. Бальхаева, Х. И. Гаджиев, С. А. Грачева [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Проспект, 2022. С. 28–98.

¹⁴ Добрынин Н. М. Правовое государство и социальная справедливость в условиях изменившегося миропорядка : посылные суждение о современной интерпретации «вечных конституционных идеалов» // Государство и право. 2022. № 11. С. 68.

¹⁵ См.: Там же. С. 76.

стве цели и одновременно сверхзадачи для нашей страны, раскрывающейся в успешном взаимодействии и сочетании практики общественной жизни и конституционных норм, принципов, ценностей¹⁶. Все эти новые суждения базируются на авторских¹⁷ представлениях (с которыми вполне можно согласиться) о крушении западной либеральной правовой идеологии, отречении от основополагающих социальных ценностей стремительным развертыванием санкционной политики с использованием имеющихся в западных странах соответствующих юридических инструментов.

Очевидно, что основой административно-правовой политики должны оставаться такие конституционно-правовые ценности, как правовое государство, верховенство Конституции Российской Федерации, права и свободы гражданина, разделение властей, эффективная судебная защита прав и свобод человека и гражданина, законные интересы, публичный порядок, судебный нормоконтроль за результатами административного нормотворчества. В сфере административных и иных правоотношений огромную важность всегда имеют *правовая определенность*¹⁸ и ее незыблемость при изменении векторов политико-правового развития. Наряду с правовой определенностью и все остальные главные *принципы административных процедур*, созидавая надлежащий и одновременно чрезвычайно высокий уровень правовой защиты субъектов права и взаимоотношений в системе публичного управления, содержательно показывают *консервативную* сущность механизма административного правового регулирования отношений внутри публичной администрации и ее взаимосвязи с гражданами и организациями. Именно такой подход является благоприятным в сфере публичных правоотношений.

Консерватизм административно-правовой политики целесообразно обеспечивать и развивать на уровне первостепенных теоретико-прикладных идей и суждений о своевременности, практическом значении, пользе и общественной востребованности предлагаемых для включения в сферу публичных правоотношений юри-

дических нововведений. Здесь уместно привести мнение ученых, исследующих, например, проблемы *уголовной политики*, о том, что порождение неправильного вектора ее развития и снижение эффекта от государственных решений напрямую зависят от просчетов в процессах криминализации и декриминализации¹⁹. В более общем виде ученые, основываясь на анализе метаморфоз УК РФ 1996 г. на протяжении четверти века, констатируют, что «по своей природе это был растянувшийся по времени процесс вытеснения либеральной модели уголовной политики, постепенной смены базовых ценностей и воплощения новых идей в законе и на практике, подчас противоположных изначальному замыслу законодателя»²⁰.

Юридический прогресс обеспечивается преимущественно взвешенной, соразмерной консервативной политикой государства с целью развития главнейших отраслей права и законодательства, правовых институтов и разнообразных правил, регламентов, нормативных положений. Консерватизм правовой политики – залог формирования надлежащих административных и иных публичных правоотношений, приспособленных под исторически возникшую и развиваемую в стране систему публичной власти и управления, осуществления административной и судебной деятельности, функционирования государственной службы и публичного администрирования, деятельности служащих органов публичной власти. По опыту и наблюдениям, у многих людей зачастую возникает неприятие (даже если со временем мнение может и измениться) идеи или попытки внесения изменений в законодательные акты непроверенных в действительности и недостаточно изученных правовых институтов, норм, порядков и правил, основывающихся на недостаточно обсужденных концепциях совершенствования законодательства. К сожалению, ошибки в законотворческой деятельности начинаются даже при обосновании создания нового закона или внесения каких-то дополнений в закон. К тому же в нашей стране появилась какая-то европейская мода давать обычным реформам законодательства (что не

¹⁶ См.: Добрынин Н. М. Указ. соч. С. 77.

¹⁷ См.: Там же. С. 69.

¹⁸ О правовой определенности написано в течение последних лет множество научных трудов. См., например: Велиева Д. С., Пресняков М. В. Указ. соч. С. 54–88.

¹⁹ См.: Худель С. Л. Модернизация уголовной политики : проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 20.

²⁰ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Фикции в уголовной политике // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 82.

соответствует нашим теоретическим представлениям, понятиям и подходам) характерные наименования, например, «регуляторная гильотина» (2020 г., в сущности проводилась реформа государственного контроля и надзора) или «процессуальная революция» (2017–2018 гг., что означало внесение изменений в российское процессуальное законодательство, учреждение апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции), «регуляторная песочница» (2018 г., в Банке России осуществлялась деятельность по использованию и приспособлению инновационных финансовых технологий, продуктов и услуг). Думается, поистине «революционно» в состоявшихся преобразованиях в указанных областях (контрольно-надзорной деятельности, судебной системы и правосудия, банковской работы) не произошло. Даже если бы и состоялись «революционные» решения, то зачем находить для них «рекламные обозначения»?!

Важнейшим критерием государственно-правового строительства всегда считалось обеспечение *прогресса* (или прогрессивного развития) в соответствующей сфере правоотношений. Если система законодательного и иного нормативного правового регулирования создает *правильные, прочные и устойчивые* юридические механизмы для выполнения функций публичной власти и ее органов, обеспечения эффективной правовой защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, надлежащего уровня экономического развития, общественной и государственной безопасности, то, несомненно, можно рассуждать и о прогрессе в реализуемой государством *правовой политике*. На различных этапах своего развития государство сочетает как *консервативные*, так и *либеральные* идеи, разрабатывая и предлагая обществу проекты модернизации правовой системы, законодательства или его отдельных компонентов. В некоторых случаях принятые законы, как оказывалось и оценивалось впоследствии, не смогли обеспечить планируемый правопорядок в той или иной области правоотношений и общественное одобрение новых законодательных актов, хотя на этапах обсуждения и принятия таких нормативных предписаний сомнений в их необходимости даже и не возникало. Здесь можно привести пример с законодательством о контрактной системе, закупках для обеспечения публичных нужд, заключении публично-правовых соглашений. А ведь какие демократические

принципы были положены в основу указанных правоотношений (!): открытость и прозрачность информации о контрактной системе в сфере закупок (информационная открытость закупок); обеспечение конкуренции (отсутствие дискриминации и необоснованных ограничений конкуренции по отношению к участникам закупки); единство контрактной системы в сфере закупок; равноправие; справедливость; профессионализм заказчиков; ответственность за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд; стимулирование инноваций; эффективность осуществления закупок, целевое и экономически эффективное расходование денежных средств на приобретение товаров, работ, услуг; реализация мер, направленных на сокращение издержек заказчика; преодоление ограничений допуска к участию в закупке посредством установления неизменяемых требований к участникам закупки. Однако многолетняя российская практика заключения публично-правовых соглашений заставляет находить и обсуждать критические аргументы в отношении сложившейся в стране контрактной системы и законодательства о ней, стремительно изменяемого на протяжении всего времени его применения. Очевидно, что данная система публичных закупок зарождалась и развивалась в России под мощнейшим влиянием зарубежного законодательства и правовой доктрины, которые были отнесены к «лучшим и примерным стандартам» публичного правового регулирования в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Но, как оказалось, простейшее «переписывание» основополагающих принципов, норм, процедур и правил зарубежных моделей публично-правовой контрактной системы не создает прочных и полезных практик реализации данного законодательства в другой стране. Между тем законодательство в данном виде продолжает действовать, а в специальной литературе обсуждается вопрос о кодексе публичных закупок как новом законодательном акте, объединяющем различные законы о контрактной системе, закупках и иных законодательных актах²¹.

Прогрессивное развитие административно-законодательства непременно зависит и от

²¹ См.: Андреева Л. В. О кодексе публичных закупок: аргументы против его принятия // Предпринимательское право. 2023. № 1. С. 10.

правовой политики, поставленных целей и задач в создании юридических процедур и надлежащей модели судебной защиты в сфере соответствующих публичных правоотношений. Если говорить о правовой политике в области административных и иных публичных правоотношений, то все входящие в предмет административно-правового регулирования отношения получают динамичное и планируемое развитие только при условии, что развиваемые стандарты публично-правового регулирования полноценно отражены в планах правовой политики. Исследование вопросов совершенствования в течение последних 20 лет российского административного и административного процессуального законодательства и, следовательно, системы, структуры и содержания административного права и процесса позволяет говорить не только о реализации ярко выраженных либеральных идей в обеспечении эффективности публично-управления и функционирования исполнительной и судебной власти, но и о заметной *законодательной увлеченности* европейскими стандартами *верховенства права* и их не критическом восприятии и развитии на постсоветском пространстве. Разделяем точку зрения П. П. Серкова, который отмечает в качестве главного ориентира исследовательской работы способность решения научными трудами практических задач²².

Как правило, в практике государственного-правового строительства актуализировались идеи *административной юстиции, административного судопроизводства, административных актов и административных процедур*. Именно эти сферы административного правового регулирования привносились в дискуссию о необходимости формирования на постсоветском пространстве сложившихся несколько десятилетий назад соответствующих достаточно крупных и сложно структурированных институтов. Прилагались значительные усилия для реализации новой правовой идеологии с целью обоснования необходимости построения, порой фактически с нулевого уровня, масштабных юридических образований. Как теперь видно, такие попытки в активизации законотворческой работы, обучение персонала органов публичной власти, последовательная пропаганда нового законода-

тельства давали свои положительные плоды. Создавались модельные законодательные регулирования отношений в указанных сферах административного и судебного права, разрабатывались и предлагались для включения в национальную правовую систему стандарты осуществления публичного управления и юридической защиты прав, свобод и законных интересов. Как правило, национальный законодатель весьма некритично (хотя и не без заметного торможения воплощения этих идей в своих странах) подходил к масштабной правовой рецепции предлагаемых демократических институтов и процедур. В принципе складывалась объяснимая ситуация: если страна базируется на конституционных принципах правовой государственности (правового государства), значит, она должна иметь в структуре национального правового порядка соответствующие *управленческие процедуры и правозащитные механизмы*. Отдельные страны восприняли предлагаемые к включению в правовую систему институты в качестве полезных для практики и закрепили их в законодательстве; при этом предпринимаются шаги и по дальнейшему развитию данных институтов, ликвидации противоречий, даже если некоторые нововведения в полной мере и не приживаются. Это, кстати, и есть либеральные ценности, и их в подобном контексте не нужно противопоставлять консервативным началам в развитии административного материального и процессуального законодательства. Сегодня ученые изучают правовую политику в области *административного судебного процесса (административного судопроизводства)* с надеждой, что она позволит выработать главные подходы к созданию системы и структуры судебной процессуальной деятельности²³. Как и прежде, вопросы

²² См.: Серков П. П. К вопросу о показателях результативности юридической науки // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 9.

²³ См.: Белоусов С. А., Соколов А. Ю. Правовая политика в сфере административного судебного процесса // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 110–122; Стахов А. И. Понятие и общая характеристика системы судебного административного процесса в Российской Федерации // Российское правосудие. 2023. № 3. С. 59–71. Здесь нужно обратить внимание на то, что дискуссионность проблемы в понимании административного процесса не позволяет авторам прийти к единому мнению даже в наименованиях; в названиях приведенных статей видны различные подходы: в одном случае – «административный судебный процесс», а в другом – «судебный административный процесс»?! А нужно было бы, как мне представляется, написать просто и правильно: «административное судопроизводство», ибо оно и

унификации *цивилистического* процессуального законодательства, включающего в свое содержание, по представлениям ученых-процессуалистов, и административное судопроизводство (КАС РФ), остаются и поныне в центре крупных дискуссий²⁴. Построение КАС РФ на концепции административного иска считается весомым аргументом в пользу процессуальной унификации²⁵. В теории развиты и иные подходы, демонстрирующие самостоятельность административной процессуальной формы²⁶.

Административное право (как общее административное, управленческое право), являясь в известной степени консервативным правовым регулятором сложной субординационной административной среды, само по себе диктует теоретикам и законодателям условия и порядки установления административно-правовых институтов. Здесь уместно вновь обратиться к уточнению предмета науки административного права и привести авторитетное мнение профессора Б. В. Россинского, включающего в данный предмет выявление «закономерностей общественных отношений, возникающих в процессе организации и деятельности системы исполнительных органов публичной власти, иных субъектов, наделенных исполнительными полномочиями, и разработку на этой основе необ-

есть реально существующий вид административного процесса, что соответствовало бы и законодательному решению этого вопроса, и основным доктринальным подходам в исследовании данной, ставшей с годами простоватой, проблематики! Как уже многократно отмечалось, остальные юридические «движения» и «перемещения» в управленческом пространстве – это *процедуры, производства* и прочие обозначения административных активностей.

²⁴ М. А. Фокина, говоря об одновременной трансформации АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ, связывает обеспечение их внутренней и структурной общности со стремлением государства по унификации процессуального законодательства. См.: Фокина М. А. К вопросу о некоторых концептах *цивилистического* процесса : итоги двух десятилетий // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 1. С. 21.

²⁵ См.: Там же. С. 23.

²⁶ С. А. Курочкин определяет административную процессуальную судебную форму как «систему однородных процессуальных требований (нормативных предписаний), предъявляемых к действиям суда и участников административного судопроизводства и нацеленных на достижение определенного законом материально-правового результата». См.: Курочкин С. А. Актуальные проблемы теории административного судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 4. С. 306.

ходимых теоретических положений, нормативных требований и практических рекомендаций, направленных на совершенствование процесса государственного управления»²⁷.

Кстати говоря, отдельные административно-правовые институты и даже крупные отрасли законодательства, развивающиеся в нашей стране с самого начала на своей (созданной уже в далекие советские годы), особой юридической платформе, практически не включались в предмет глубоких теоретических дискуссий на организованных в последние десятилетия зарубежных коллегами конференциях, т. е. не получали какого-либо влияния (критики или одобрения) со стороны зарубежных ученых. Например, не заинтересовала наших зарубежных коллег система российского законодательства об административных правонарушениях и, соответственно, не получила никаких критических суждений и предложений для развития или включения в нее элементов европейского административного права. Таким образом, КоАП РФ модернизируется под влиянием отечественной правовой политики и планов его реформирования, кстати, не всегда удачно и ко времени разработанных и предлагаемых российскому законодателю для реализации. Заслуживает внимания предложение по созданию так называемой «линейки» правонарушений и нарушений этических норм в зависимости от их степени общественной опасности»²⁸, здесь речь идет о соотношении преступления, уголовного проступка (до настоящего времени не получившего нормативного правового установления) и этического нарушения.

Вряд ли нужно спорить с тем, что при отсутствии (в прошлом) в системе отечественного административного права полноценно развитых институтов *административного судопроизводства, административных актов и административных процедур* требовался анализ практики зарубежного административного правового регулирования указанных институтов. Обычное дело, когда в процессе разработки законодательных актов появляется интерес к зарубежным моделям административного правового регулирования отношений в соответствующих сферах публичного правопорядка. Но при этом целесо-

²⁷ Россинский Б. В. Указ. соч. С. 254.

²⁸ Клеандров М. И. О единой «линейке» регулирования ответственности за право- и нормонарушения // Государство и право. 2022. № 10. С. 7.

образно обеспечивать доминирование «принципа критического взгляда» на устоявшиеся модели правовой регламентации в других странах; уместно осуществление *моделирования* юридических результатов возможной включенности зарубежных порядков и правил в отечественное законодательство, а также анализ прогнозируемых итогов слаженного взаимодействия общепублично-правового регулирования и решения специальных задач включения в российское право стандартов иностранных правовых механизмов. Как пишет П. П. Серков, «в правовом регулировании даже незначительные на первый взгляд детали имеют значение и потому заслуживают самого пристального исследовательского внимания». Разделяя это мнение, уместно одобрить и общий подход автора к «идее о механизме правоотношений» и необходимости «приспосабливаться к механизму правоотношений»²⁹. Ведь простейшее перенесение на национальную правовую почву иностранных юридических принципов, изобретений и конструкций, которые весьма комфортно и с большой пользой существуют и применяются в европейских странах, без известного «нормативного приспособления» к, например, российским правовым порядкам, правилам, условиям, производствам и многочисленным процедурам, вряд ли оправданно, разумно и целесообразно. Так, законодательные стандарты европейских административных процедур элементарны и понятны. Если всмотреться в действующее российское *административное процедурное законодательство* (в той мере, в которой оно развито и действует в стране), то можно увидеть «невероятные» детализации правового регулирования административных процедур, содержащиеся как в законодательных, так и иных нормативных правовых актах (например, в административных регламентах исполнения государственных функций). Однако по своей сути данные правовые регулирования ничего общего не имеют с традиционными представлениями об административных процедурах. Принятые относительно недавно в отдельных постсоветских странах законы об административных процедурах, по словам самих правоприменителей, полноценно не работают; исследователи говорят о том, что необходимо время не только для точного соблю-

дения административно-процедурных норм, но и вообще для осознания масштабности и потенциала административно-процедурного законодательства. Многолетнее обоснование автором этой статьи идеи о необходимости принятия в России федерального закона «Об административных процедурах» непременно встречало не только поддержку со стороны ученых, но и большие сомнения в значимости такой административно-правовой новеллизации и административно-правовом реформировании. Коллеги говорили как о содержательных сложностях механизма административно-процедурного регулирования, так и о базовых терминах, которые, по их мнению, не отвечают традиционным доктринальным и нормативным стандартам управленческой деятельности: дескать, если заменить слово «процедуры» на, например, «производство», то проект выглядел бы куда более предпочтительным и понятным. Как видно, в этом также заключена консервативность в выстраивании самой административно-правовой терминологии.

Таким образом, возникает вопрос о более взвешенном, т. е. консервативном, подходе к обоснованию путей развития административного права и процесса, обязательному учету традиционных, десятилетиями развивающихся, порядков и правил в системе административного права, административного законодательства, вообще исполнительной власти, государственного управления, судебной системы. И здесь нельзя не согласиться с Ю. А. Тихомировым, призывающим «всемерно повышать качество государственного управления путем преодоления деструктивных явлений и использования методов прогнозирования, моделирования и рискологии, упорядочения системы и компетенции публичных органов на основе демократизации и цифровизации некоторых управленческих процессов»³⁰.

Цифровизация и искусственный интеллект (ИИ) уже давно стали важнейшими предметами исследования всякой государственной деятельности, правовых институтов или отдельных правовых норм. Беглый анализ научных трудов позволяет увидеть даже в их названии слова «цифровая трансформация»³¹. Цифровизация проч-

³⁰ Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 82. С. 14.

³¹ См., например: Штатина М. А. Субъекты публичного управления в условиях цифровой трансформации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительно-

²⁹ Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики). С. 221, 224.

но укоренилась и в системе административно-го и административного процессуального права. А далее процессы цифровизации будут только нарастать, ускоряться и усиливать свое распространение в административно-правовой среде. Ученые пишут о праве на цифровизацию как о конституционном праве, под которым понимают «субъективное право любого лица на восприятие и применение норм права при помощи цифровых средств, включая право на отказ от использования последних»³² и которое распространяется на разные отрасли права. Одни ученые предлагают считать цифровое право «самостоятельной комплексной отраслью (совокупностью норм) права»³³. Другие придерживаются мнения, что вряд ли целесообразно создавать отдельную отрасль цифрового права, а сегодня оно – лишь «комплексная область юриспруденции, объединяющая юристов различных специальностей»³⁴. Несмотря на различные представления о цифровом праве, самой цифровизации отношений, можно представить в качестве общего для исследователей мнение, что «задачей современного правоведения является выявление условий для реинтеграции значительных слоев населения в систему позитивного “государственного” права и сужения поля псевдоправовой мифологии, порождаемой надеждами на чудодейственный потенциал новых технологий, якобы способных создать новую парадигму пра-

воотношений»³⁵. В этом и заключается критический пересмотр ценностных ориентиров правового воздействия, который соответствует усилению внимания к консервативным представлениям о правовой политике и предлагаемым к внедрению новых юридических средств и институтов. Находит большую поддержку предложение о надлежащем государственном контроле за процессами расширения самого *киберпространства*, ибо безучастность государства к распространению цифровых технологий угрожает его «традиционным суверенным полномочиям»³⁶. Если обратиться к исследованиям, посвященным проблеме внедрения цифровизации и искусственного интеллекта в сферу судопроизводства³⁷, то и здесь доминирует убежденность в необходимости осуществления действенного контроля человека при применении новых технологий, с тем чтобы гарантировать соблюдение традиционных принципов процесса разрешения и рассмотрения дел³⁸. Правоведами актуализируются вопросы режима использования цифровизации и постоянно развивающихся информационных технологий, при котором усиливается воздействие на качество управленческой деятельности и систему публичного управления в кризисных ситуациях³⁹. Цифровые правовые проблемы в будущем, очевидно, будут фокусироваться на развитии *цифрового профиля человека* как участника в том числе и публично-правовых отношений⁴⁰.

го правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 55–68 ; Гриценко Е. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4. С. 15–36 ; Затулина Т. Н. Государственное управление : современный вектор развития и реализация в цифровой парадигме публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 8–10.

³² Волос А. А., Иванов А. А. Цифровизация и конституция // Закон. 2022. № 12. С. 35. См. также: Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М. : Проспект, 2022 ; Чаннов С. Е. Применение права посредством цифровых технологий // Информационное право. 2022. № 2. С. 11–16.

³³ Щенникова И. И. Место цифрового права в системе российского права // Законодательство. 2023. № 3. С. 42. См. также: Минбалеев А. В. Понятие и природа цифрового права // Информационное право. 2022. № 4. С. 4–7.

³⁴ Волос А. А., Иванов А. А. Указ. соч. С. 41–42. См. также: Лазарев В. В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 5–19.

³⁵ Хабриева Т. Я. Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 1. С. 10.

³⁶ Романовский Г. Б., Романовская О. В. О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 25.

³⁷ См.: Лаптев В. А., Соловяненко Н. И. Цифровое правосудие. Цифровой документ : монография. М. : Проспект, 2022. См. также: Трезубов Е. С. Тенденции цифровизации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 5. С. 204–227.

³⁸ См.: Дедов Д. И. Право на справедливый суд : новые вызовы и возможности в условиях технологизации судопроизводства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 1. С. 44.

³⁹ См.: Правовое управление в кризисных ситуациях : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. С. 99–116.

⁴⁰ См.: Мартынов А. В., Бундин М. В., Ширеева Е. В. Правовые и функциональные аспекты создания цифрового профиля креативного человека // Законы России : опыт, анализ, практика. 2022. № 11. С. 85–97 ; № 12. С. 62–68.

Мы пока не можем предвидеть «юридическое будущее» государства и права, а также уровень развития в этих пространствах искусственного интеллекта. Но сегодня можно предположить, что искусственный интеллект (ИИ) «бесмыслен» с точки зрения настоящих умственных операций, ибо лишен, в сущности, интеллекта как *умственного начала* у человека, живущего и действующего. Искусственный интеллект не сможет зафиксировать смысловые значения и нагрузки, как, впрочем, он не способен генерировать идеи, признаваемые человеком достойными, справедливыми, разумными (с человеческой точки зрения) для развертывания и достижения желаемых результатов. ИИ не сможет развить идею в правильном и значимом для людей направлении. Искусственный интеллект, очевидно, может предоставить только сервис, упрощающий работу, выполняющих заранее заданные операции, функции и приказы. Уже встречаются статьи ученых, в которых проверяется искусственный интеллект в каком-либо деле, например, при написании научной статьи. По итогам таких экспериментов рождается мнение, что «искусственный интеллект... достаточно развит, чтобы написать статью, пригодную для публикации в юридическом журнале. Однако для этого нужен компетентный автор, который будет задавать ИИ корректные вопросы, а затем перепроверит результат»⁴¹. Практико-юридическое преломление проблемы использования искусственного интеллекта, например, в судебной деятельности, обуславливает тщательный анализ вопроса о его материальной и процессуальной правосубъектности, т. е. принятии законодателем решения «о делегировании ИИ специальной процессуальной правосубъектности», с тем чтобы разрешить «небиологическому интеллекту *ex officio*... отправлять правосудие по гражданским, административным или уголовным делам»⁴².

Либерализм правовой политики можно проиллюстрировать не относящимся к праву и закону (зато широко используемым на практике в 90-е гг. прошлого столетия) принципом: «Можно

⁴¹ Янковский Р. М. Способен ли искусственный интеллект написать статью в юридический журнал? // Закон. 2023. № 3. С. 133.

⁴² Афанасьев С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 23.

всё!» – как будто бы механизм правового регулирования, построенный на этом принципе, обязательно будет создавать самые привлекательные правопорядки, о которых только и может мечтать население. Однако обеспечение *свободы* в широком смысле слова не должно ограничивать полноценность реализации *публичного правопорядка*. Невозможно спорить с тезисом об актуальности идеи по развитию «такого правопорядка, при котором субъекты права остаются свободными в своих действиях, ведущих к справедливым результатам, а результаты, требующие принесения в жертву свободы, не считаются справедливыми и не пользуются охраной права»⁴³. Как пишет А. В. Солодилов, «именно право отделяет свободу от вседозволенности»⁴⁴. Особенно отчетливо просматриваются по-новому задачи современного правового регулирования, связанные с достижением актуальных целей по обеспечению, собственно, публичных интересов при одновременном возрастании значимости таких конституционных ценностей, как: конституционный строй; государственное единство; конституционная законность; суверенитет; обеспечение благополучия, благосостояния граждан и справедливости; участие в управлении делами государства; воспитание патриотизма; запрет исполнения решений межгосударственных органов в противоречащем Конституции Российской Федерации истолковании; усиление единства исполнительной власти; эффективная судебная защита прав и свобод граждан и судебный нормоконтроль.

Консерватизм правовой политики заставляет законодателей сомневаться, даже в хорошем смысле «заблуждаться»⁴⁵, строго присматриваться к предлагаемым юридическим нововведениям, задумываться о ясности терминологии и пер-

⁴³ Белов В. А., Скворцов О. Ю. Справедливость vs свобода = право : антагонистическое противоречие и его решение (часть вторая) // Закон. 2023. № 3. С. 124.

⁴⁴ Солодилов А. В. Неправо : архаичная теоретическая конструкция или практический институт правового регулирования? // Российская юстиция. 2023. № 2. С. 8.

⁴⁵ Здесь уместно вспомнить М. Салтыкова-Щедрина, который писал: «Заблуждаться казалось естественным. “Заблуждаться” – это означало любить Отечество по-своему, не так, быть может, как начальство приказывает, но все-таки любить. Заблуждались преимущественно дворяне, потому что их наукам учили. Ежели бы не учили их наукам, то они и не заблуждались бы». См.: Салтыков-Щедрин М. Благонамеренные речи // Собр. соч. : в 10 т. М. : Правда, 1988. Т. 5. С. 504–505.

спективах правовой легализации. *Заблуждение (сомнение)* можно рассматривать как приемлемый вариант поведения и действий, связанных с выработкой и толкованием новейших правовых явлений, порядков и институтов. И только потом действовать, принимать окончательное решение, а на определенные промежутки времени в будущем спланировать структурный мониторинг действия нового законодательства. Консерватизм правовой политики в сфере административных правоотношений – это придрчивое и не моментальное перенесение на российскую юридическую почву правил публичного администрирования зарубежных моделей правовой регламентации. Осторожность и прогнозирование, как главные критерии правовой рецепции, способны обеспечить надлежащий уровень правового регулирования, ликвидацию обнаруженных пробелов в системе правового воздействия и сбалансированный учет общественных, государственных и частных интересов. Консерватизм заставляет сомневаться в планировании и содержании государственной деятельности, подготовке и издании нормативных правовых и административных актов. Лет двадцать назад, когда я присутствовал на международных форумах по модернизации государства и правовой системы, обратил внимание, как ученая молодежь быстро впитала в себя новую терминологию; особенно много говорили о «национальном правопорядке», «российском правопорядке», «развивающемся правопорядке». Обычный термин «правапорядок» (поскольку часто воспроизводился иностранными учителями) так запомнился коллегам, что использовался ими где нужно и где нет. Удивительно, как будто бы не было советского термина «правапорядок» и всего того теоретического обоснования развития данной терминологии?! Научные труды советских ученых забывались, а реанимирование старой (существующей) терминологии происходило без учета опыта ее теоретического анализа в прошлые годы. При этом воссоздание терминов в новых политико-правовых условиях с учетом иностранного опыта и подходов к толкованию не запрещается, а порой даже и приветствуется.

Либерализм позволяет эффективно решать оперативные вопросы, опираясь на пожелания граждан и их представления о лучшем устройстве публичной власти, надлежащем качестве осуществления публичного управления, необхо-

димости борьбы с «плохими» чиновниками, решение которых будет направлено на достижение целей построения справедливых правовых порядков и процедур деятельности публичной администрации, ограничения правового статуса профессиональных чиновников, учреждения правовых режимов судебного контроля над государственным аппаратом. Возьмем, к примеру, историю с разработкой проектов двух кодексов об административных правонарушениях в рамках *нашей административно-деликтной модернизации*⁴⁶. Либеральный подход заключается в том, чтобы как-то превратить российский КоАП в новый федеральный закон об административной ответственности, ибо он, по мнению авторов реформы, перенасыщен изменениями и дополнениями, внесенными в него за последние два десятка лет. Конечно, в соответствии с некоторыми суждениями, уже пришло время пересмотра данного законодательного акта. И при этом необходимо включить в КоАП новые элементы *административно-деликтной процессуальной формы*⁴⁷, усиливающей юридическую защиту при применении административной ответственности. Консервативный взгляд заставляет исследователя и законодателя задуматься над вопросом: если будет принят новый КоАП, то до какого момента он останется стабильным и не требующим включения в него новых изменений и дополнений? Предстоит ответить также и на вопрос о наличии в нынешних правилах привлечения лица к административной ответственности противоречивых норм и процедур, препятствующих вынесению законного, обоснованного и справедливого постановления по делу об административных правонарушениях. Список вопросов к авторам такой реформы КоАП РФ

⁴⁶ Как отмечают ученые, институт административной ответственности, если на него посмотреть со сформулированных за последние 23 года интерпретационных позиций Конституционного Суда Российской Федерации, получил прогрессивное правовое развитие, сердцевиной которого стало утверждение конституционного права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. См.: *Коблева М. М., Лусегенова З. С.* Актуальная методология понимания административной ответственности // *Мировой судья*. 2022. № 12. С. 26–33.

⁴⁷ Об актуальных вопросах отраслевой процессуальной формы см.: *Нестеров В. М.* Направления дифференциации процессуальной формы рассмотрения дел об административных правонарушениях // *Российская юстиция*. 2022. № 3. С. 60–65.

может быть значительным. Консервативное мнение приводит к выводу об отказе на нынешнем этапе от планов реформирования КоАП РФ. Ведь прошло более пяти лет с момента объявления реформы законодательства об административных правонарушениях, однако редки публикации, в которых содержатся настоящие, полноценные и заслуживающие внимания аргументы в пользу предлагаемых масштабных модернизаций административно-деликтного права. Однако заставляют критически отнестись к своему пониманию данного вопроса суждения С. Д. Князева, обосновывающего потребность в обновлении законодательства об административных правонарушениях, которое будет способствовать решению таких задач, как: гармонизация административно-деликтного законодательства; оптимизация правового фундамента административной ответственности; исключение коллизионных норм и содержательных противоречий; обеспечение эффективности правоприменения в сфере административно-правовой охраны.

К характеристике либерального подхода в создании ныне действующего КоАП РФ относится, с моей точки зрения, и включение в предметы ведения субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях установления законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Более того, иногда в субъектах Российской Федерации принимаются кодексы об административных правонарушениях (например, Кодекс города Москвы об административных правонарушениях). Сразу же возникает вопрос: о каком же уровне кодификации законодательства идет речь, когда действуют параллельно два кодекса – федеральный и региональный? Конечно, возможны объяснения на этот счет: дескать, один кодекс создается по федеральному законодательству, а другой – за нарушения региональных нормативных правовых актов. Казалось бы, имеется правовая логика развития законодательства об административных правонарушениях; однако именно в таком контексте она реально включается в либеральный подход по конструированию законодательства об административных право-

нарушениях. При этом приводятся аргументы, согласно которым федеральному законодателю неуместно устанавливать ответственность за нарушения «не своего» (а «чужого», т. е. законов субъекта Российской Федерации) законодательства. Более того, данный подход основывается на включенном в Конституцию Российской Федерации либеральном подходе самого общего формулирования базисных категорий, относящихся к характеристике сфер правового регулирования. Как известно, *производство по делам об административных правонарушениях*, возможно (так можно всего лишь предположить), отнесено в тексте Конституции Российской Федерации к *административному и административному процессуальному законодательству*. При этом при действовавшем в 1993 г. КоАП РФ (1993 г. – год принятия Конституции Российской Федерации) законодатель не счел (или просто забыл) необходимым установить в тексте Конституции Российской Федерации терминов «административная ответственность», «административное правонарушение», «производство по делам об административных правонарушениях»; иначе говоря, в Конституции «не нашлось места» для их воспроизведения. Децентрализация в сфере административных деликтных правоотношений получилась явно *сверхлиберальной* и, в сущности, из-за пробелов и противоречий создает для *судебной и административной* практики множество сложностей, разрушающих их единство (например, установление ответственности за нарушения правил благоустройства по законам субъектов Российской Федерации и судебное обжалование вынесенных постановлений по таким делам об административных правонарушениях в одних субъектах Российской Федерации происходит в порядке обжалования в суды общей юрисдикции, а в других – в арбитражные суды). Вряд ли таким образом можно достичь желаемого единства судебной практики и единообразия в административном правоприменении. В литературе распространено мнение, согласно которому зачастую встречается ситуация, «когда правовое регулирование “бежит” впереди его теоретического и конституционно-правового обоснования. В указанных условиях, думается, “багаж” правовых позиций Конституционного Суда относительно соблюдения требований формальной определенности в административно-деликтном законодательстве будет особенно вос-

требован»⁴⁸. В числе глубинных пониманий очевидных необходимостей модернизации законодательства об административной ответственности находится позиция С. Д. Князева об отсутствии целесообразности нахождения в системе производства по делам об административных правонарушениях «арбитражно-процессуальных процедур»⁴⁹.

Могу предположить, что включение в Конституцию Российской Федерации термина «публичная власть» также является проявлением либеральной политики конституционной модернизации, изменения теории государственного и государственной власти. Доказательством этого является отсутствие у российского законодателя желания изменять и модернизировать российские законы с учетом новой терминологии «публичная власть» и «публичное управление». Как теперь видно, внедрение в конституционно-правовую материю понятия «публичная власть» без, может быть, должного критического анализа данных нововведений оказывает воздействие на само развитие государственного права, конституционного права, государственного строительства, принятие новых законов, развивающих конституционные принципы. Иногда можно подумать, что законодатели как будто наткнулись на какую-то стену непонятных терминов с невыясненным до конца значением для российской системы правоотношений признаков и факторов развития.

Консерватизм правовой политики в области административных и иных публичных правоотношений может создавать лучшие условия для правовой рецепции, так как приоритетными станут, во-первых, учет строгих юридических «рамок» перенесения в национальное правовое пространство зарубежных юридических моделей и, во-вторых, должная аргументация того, что предлагаемые модернизации идут на поль-

зу национальным административным правоприменением. Консерватизм в обосновании необходимости появления новых нормативных правовых актов в системе административного права должен гарантировать в итоге законность, обоснованность и справедливость принимаемых судами и административными органами в порядке правоприменения судебных и административных правовых решений, обеспечивать полноценность учреждаемых административно-правовых режимов, классическое понимание которых отражается в процессе законотворчества.

Консерватизм означает использование исследовательской энергии в защиту лучших представлений о сущности, структуре, предназначении и содержании административного и административного процессуального права. Он – залог установления точности правовых категорий в административном праве и толковании взаимосвязанности всех его частей. Результатом консервативной политики в сфере административных правоотношений становится такая всеми желаемая правовая определенность. Либеральные традиции обеспечивают внешние очертания правовой определенности. Однако когда возникает практическая потребность принятия желаемого правового решения, то правовая определенность размывается многочисленностью обоснований и приводит к желаемому правовому акту с противоречивым юридическим содержанием, обусловленным широким толкованием с примесью политико-правовых пристрастий.

Консерватизм создает уверенность общества, социальных групп, граждан, всех субъектов права, умеющих рассуждать и оценивать правовые события, в юридической защите в сфере административных и иных публичных правоотношений. Консерватизм – это формирование уверенности в создании надлежащего публичного управления, внутренних регламентах, производствах и процедурах. Лучшие модели публично-го управления формируются и развиваются на основе конституционных ценностей. Законодатель должен формировать и пропагандировать уверенность в административно-правовой защите, в какой бы форме она ни выражалась: в административной жалобе или административном иске (судебной правовой защите).

Консерватизм правовой политики в административных правоотношениях – это гарантия принципа справедливости в реализации как ма-

⁴⁸ Шишкина О. Е. Качество административно-деликтного законодательства сквозь призму конституционного требования формальной определенности закона // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 1. С. 25. См. также: Стахов А. И. О некоторых мерах по автономизации и оптимизации административно-деликтного судопроизводства в Российской Федерации // Российское правосудие. 2021. № 3. С. 13–23.

⁴⁹ См.: Князев С. Д. Актуальные проблемы кодификации законодательства об административной ответственности в контексте решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2022. № 5. С. 18.

териальных, так и процессуальных административно-правовых институтов. Общеизвестно, что именно в системе административного правового регулирования как ни в каких иных правоотношениях важна *справедливость*. Иногда люди могут простить правоприменителю (должностным лицам, государственным или муниципальным служащим) нарушение закона (принципа законности), но они будут всячески (и причем порой долго) упрекать его за оплошности в установлении, обеспечении или недостаточном отстаивании справедливости. Человеку запоминается его унижение несправедливым решением, административным действием (бездействием), которое было принято судом или должностным лицом, рассмотревшими публично-правовой спор (дело). При чем здесь консерватизм? Дело в том, что на его основе устанавливаются проверенные временем правовые порядки и правила, гарантированно характеризующие итоговое решение судьи или административного органа как справедливое! Либеральный правовой подход, зачастую базирующийся на передовой юридической терминологии, из-за своей привлекательности, увлеченности внешней стороной правового воздействия, предельной ясности благожеланий, способен создавать сценическую иллюзию правовой защищенности личности. Однако, когда государству нужно принять непопулярное для общества и населения решение, вся незыблемость и привлекательность установленного правового порядка вмиг рушатся, а государственное решение принимается с помощью «демократической силы», содержащей в своем арсенале средства политико-правового принуждения. Здесь можно привести пример с французским Сенатом (верхняя палата Парламента), который в марте 2023 г. поддержал предложенную правительством пенсионную реформу, несмотря на многотысячные долгосрочные протесты. Причем правительство избрало такой способ вынесения реформы на обсуждение, который обеспечивал вначале ограничение 50 днями парламентского обсуждения в обеих палатах Национального Собрания, а затем позволило ему использовать нормы Конституции Французской Республики, чтобы принять реформу без голосования депутатов⁵⁰. А позднее Конституционный Совет Франции признал закон-

ной пенсионную реформу и утвердил повышение пенсионного возраста. Трудно найти современного либерала, который бы при появлении для его политической власти опасности, достойного политического противовеса или общественного возмущения не отыскал бы в тексте законодательных актов консервативные юридические положения и конструкции, упрощающие правовые процедуры принятия решений и устанавливающие возможности применения средств административного принуждения.

Создание надлежащих правовых гарантий, способствующих прогрессивному развитию сферы административных и иных публичных правоотношений, – это и есть консерватизм в реализации законотворчества с использованием политических устремлений как ученых, так и законодателей и нацеленных на внедрение традиционных, легко понимаемых и проверяемых средств юридической техники. Здесь, конечно же, сразу возникают вопросы. Что означает «*прогрессивное развитие*» или почему желаемый публичный правопорядок в меньшей степени может зависеть от *либеральных начал* правовой политики? На каких основаниях устанавливается такой односторонний приоритет консервативности? Это точно так же, как и с пониманием «справедливости». Ведь все в своей жизни неоднократно задавали вопрос: что такое справедливость? Каково ее понимание, видимые характеристики или основные свойства? А ведь, как известно, каждый по-своему трактует справедливость и индивидуально наделяет ее исходными признаками. Очевидно, во всех указанных дискуссиях следует руководствоваться самыми устоявшимися и распространенными в обществе представлениями как о прогрессе, так и о справедливости. Признание, согласие с установленными правовыми нормами, поддержка демократических правовых режимов и устоев – всё это следует относить к сложившимся традициям взаимоотношений общества и государственной власти. Развитие детализированных вертикальных взаимоотношений в системе публичной администрации и государственной службы, как правило, базируется на идеях консервативной правовой политики законодателя в регламентации государственно-служебных отношений, обеспечивающих защиту конституционного строя, суверенитета страны, государственную и общественную безопасность, прав и свобод человека и гражданина, публичных интересов организаций. Служебная дисциплина, служеб-

⁵⁰ URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/04/2023/643956709a794722d0d81f9a>

ный правопорядок и дисциплинированность государственных служащих также следствие усиления государственно-правового воздействия на процесс формирования лучшей модели публичной службы.

Если обратить взор на исследования ученых-административистов из европейских стран, например Германии, с попыткой понять современные направления в исследовании институтов административного права, то выясняется, что в приоритете находится делящаяся уже несколько десятилетий дискуссия в связи с идеей создания «нового административного права». Отмечается, что «оно в любом случае преследует комплексный подход к руководству или надлежащему управлению, который выходит далеко за пределы преимущественно связанных с правовыми актами положений Закона об административных процедурах»⁵¹. Известный ученый-юрист, коллега-административист из Казахстана профессор Р. А. Подопригора, рассуждая о значимости принятия в 2021 г. *Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан*, отмечает: «К сожалению, опыт других государств, близких Казахстану по правовым традициям, показывает, что внедрение новых институтов, включая институт административных процедур, идет очень сложно. Это лишний раз подтверждает тезис о том, что дело не столько в формальном наличии закона, но и в более глубоких изменениях в правовой системе и правосознании»⁵². Данный вывод непременно подходит и для отечественных модернизаций административного права.

⁵¹ Элс Д. Развитие кодифицированного административно-процедурного права // *Немецкая доктрина административного права и становление института административных процедур в странах Центральной Азии* : материалы междунар. конф., приуроченной к 45-летию со дня принятия Закона об административных процедурах Германии (Ташкент, 25 мая 2021 г.) // Ученые записки Института государства и права Академии наук Республики Узбекистан. 2021. Т. 1 / отв. ред. Л. Б. Хван. Ташкент : Niso Poligraf, 2022. С. 79.

⁵² Подопригора Р. А. Административные процедуры в Казахстане : новый этап // *Немецкая доктрина административного права и становление института административных процедур в странах Центральной Азии* : материалы междунар. конф., приуроченной к 45-летию со дня принятия Закона об административных процедурах Германии (Ташкент, 25 мая 2021 г.) // Ученые записки Института государства и права Академии наук Республики Узбекистан. 2021. Т. 1 / отв. ред. Л. Б. Хван. Ташкент : Niso Poligraf, 2022. С. 102.

Обоснование необходимости принятия российского федерального закона об административных актах и административных процедурах – это, непременно, проявление консерватизма в административно-правовой политике, направленной на установление здоровых требований к разработке административных актов и определение принципов административных процедур, создающих прогрессивный правопорядок во взаимоотношениях граждан и органов публичной власти. Содержание будущего закона включает обязанности, правоограничения, требования к правовому акту органа публичного управления и процедурные правовые формы их принятия, вступления в силу и исполнения. Органы исполнительной власти и их аппарат, государственная и муниципальная служба с принятием закона «Об административных процедурах» получают юридический стандарт осуществления исполнительно-распорядительной деятельности. И Российская Федерация, бесспорно, может воспринять правовой дух административных процедур, приспособить идейное их содержание к нормативным реалиям, принять традиционные институты и принципы административных процедур в качестве основополагающих правовых регуляторов административных активностей, распространенных в публично-правовой сфере.

Как уже обсуждалось, не критическое отношение к привнесенным в российскую правовую теорию терминам и институтам на деле не формирует твердого убеждения в необходимости и юридической «живучести» в стране данных категорий либо и вовсе приводят к деградации вообще-то заслуживающих внимания иностранных правовых институтов. Речь, конечно, не идет о сотнях иностранных понятий и терминов, появившихся в российском законодательстве (например, в гражданском), начиная с 90-х гг. прошлого столетия. Создание новых правоотношений объясняло такую рецепцию права, включение в тексты законов новейшей терминологии и институтов. В нашем случае речь идет о глобальных правовых идеях и предложениях по модернизации сферы административных и иных публичных правоотношений. Например, термин «хорошее управление» (или «право на хорошее управление»), в сущности, понятен всем, но трудно объяснить с позиций практической трансформации данной терминологии в административное законодательство. «Хорошим управлением» можно, очевидно, посчитать устранение

в рамках «регуляторной гильотины» в течение 2019–2020 гг. из правового поля явно избыточного санитарно-эпидемиологического регулирования (требований) для отдельных сфер предпринимательской деятельности⁵³. Как известно, «хорошее управление» – это надлежащее или эффективное публичное управление; в системное толкование термина включаются самые лучшие правовые принципы организации и функционирования исполнительной власти и ее органов, современные административные процедуры, административная культура и высокий стандарт осуществления функций государственного управления и предоставления публичных услуг⁵⁴. Всё так! Однако указанная терминология не может изначально включиться в механизм правового регулирования из-за ее формальной простоты и отсутствия возможности точного толкования. Вообще невозможно спорить с тезисом о необходимости установления в стране режима хорошего управления, ибо плохое управление никому не нужно. Тем более что содержательная правовая аргументация данного термина весьма понятна, ясна и перспективна. Основная претензия к терминологии и ее включенности в традиционный государственно-правовой лексикон заключается в преувеличении значимости универсального обозначения чрезвычайно сложного и важного для исполнительной власти понятия и одновременно в пренебрежении накопленным в прошлые десятилетия потенциалом управленческих наук. Если эту тематику объединить в более широкие интерпретации, то можно уверенно присоединиться к словам профессора В. М. Сырых, который заключает, что прогресс науки вряд ли может базироваться на безрассудстве и доверчивости правоведов, пропагандирующих постмодернизм в теории права как учения, «не имеющего никаких оснований для занятия статуса ведущей доктрины современного российского правоведения»⁵⁵. Вряд ли жизнеспособной окажется и «постклассическая парадигма метамодерна», в контексте ко-

торой учеными рассматриваются вполне понятные и объяснимые цивилистические процессуальные правовые отношения⁵⁶. Повсюду не только наблюдаем, но и зачарованно повторяем внедренные в законодательство слова, принципиально всем знакомые и понятные, но используемые законодателем не в традиционных теоретических конструкциях. Например, «компетенция» применяется сегодня в наименованиях и предложениях, которые вряд ли должны их содержать. Возьмем, к примеру, образовательную сферу, российское законодательство об образовании. В литературе усиленно критикуется позиция, согласно которой «преподавателей обязали давать “компетенцию” (ст. 2 и др. Закона об образовании) и даже не потрудились объяснить, что это такое (наверное, кому-то из писавших текст закона просто понравилось английское “competence”»⁵⁷. Трудно не заметить и «идеологическую» подоплеку в виде повсеместного использования данного понятия. Автор этих строк в конце 90-х гг. прошлого века в европейских странах в большом избытке наблюдал вывески на зданиях с примерно одним и тем же названием: «Центр компетенций» (разного профиля). И через несколько лет всё это перекинулось на фасады российских зданий. Отчего же так? Очевидно же, что лучше иметь свои собственные привлекательные идеи (политических и государственных деятелей, ученых, законодателей, управленцев), оборачивающиеся со временем в значительные и признаваемые концепции, да желательные такие, чтобы на них обратили внимание иностранные правовые школы.

Пытаемся ли мы увидеть сразу лучшие содержательные моменты в либеральной правовой политике, созидающей потом на практике новые административно-правовые институты? Часто нам достаточно каких-то новых и непривычных суждений о полезности обсуждаемого к внедрению в национальный правопорядок иностранного института, и на практике сразу же начинаем его «прилаживать» к российским правовым условиям. Если не получается извлечь максимальную полезность от такой рецепции, тем

⁵³ См.: Смоляков П. Н. Некоторые общие проблемы административного, административно-деликтного и уголовного законодательства (правоприменение в период пандемии) // Российское правосудие. 2022. № 10. С. 21.

⁵⁴ См., например: Гриценко Е. Указ. соч. С. 15–36.

⁵⁵ Сырых В. М. Постмодернизм в теории права – пустицвет на живом древе юридического знания // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 51.

⁵⁶ См.: Зубович М. М., Коршакова К. В., Томбулова Е. Г. Гражданские процессуальные отношения : перспективы трансформации // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 2. С. 105.

⁵⁷ Рассказова Н. Ю. Школа навыков или школа знаний : каков путь российского образования // Закон. 2023. № 3. С. 148.

не менее наступает пора ожидания желаемого правового эффекта. Порой даже трудно согласиться с самой идеей внедрения нововведения в юридическую ткань законодательного материала. Однако желание иметь в наличии зарубежный правовой инструмент не дает возможности поставить под сомнение его первоначальную неэффективность и надуманность. Остается без ответа вопрос: почему закон должен быть таким, как он развит и действует в европейских странах?! Конечно, существуют наднациональные правовые системы, действующие принципиально одинаково для всех государств – членов такой объединенной системы. Однако и там имеются различные толкования и известные различия в регламентации управленческих порядков и процедур. Но базовые, принципиальные институты, на которых основывается административный порядок и судебная защита, одинаковы.

Невозможно утверждать, что и сегодня продолжается время «торжества бессистемного либерализма». Однако факты включения весьма «красивых» на первый взгляд терминов и институтов в российское законодательство – в большом количестве. Например, во все российские процессуальные кодексы был введен институт «разумного срока» – институт зарубежного процессуального права. Если бы он был инкорпорирован в российское процессуальное законодательство с сохранением неотъемлемых для него юридических свойств, системного влияния на весь судебный процесс, принципов и предназначения, то, очевидно, при этих условиях «разумный срок» демонстрировал бы позитивную направленность реформирования процессуального законодательства. Однако с включением в судебный процесс «разумного срока» остались нетронутыми традиционные для всех российских процессуальных законов *обычные процессуальные сроки*. КАС РФ устанавливает в качестве принципа административного судопроизводства «осуществление административного судопроизводства в разумный срок и исполнение судебных актов по административным делам в разумный срок» (ст. 6 КАС РФ); более детально данный принцип определен в ст. 10 КАС РФ. Трудно спорить с весьма позитивным процессуально-правовым потенциалом данной нормы КАС РФ. Но как быть с процессуальными сроками рассмотрения и разрешения административного дела? Замысел законодателя о «разумном

сроке» понятен, его содержание дается в каждом учебнике по административному судопроизводству, в процессуальных законах, а также в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Но вопрос остается без ответа: зачем при разумном сроке сохранять все иные предельно точно определенные процессуальные сроки?! Процессуальный срок – на то он и срок совершения того или иного процессуального действия – точен и требует своего соблюдения. Разумный срок – лишь дополнительная гарантия, как бы на всякий случай, если судья по каким-то причинам будет затягивать судебный процесс или судопроизводство будет само затягиваться фактически по не зависящим от судьи обстоятельствам. Как известно, на практике судей, нарушающих процессуальные сроки, критикуют и к ним могут быть применены даже дисциплинарные наказания. При этом слова «разумный срок» как-то остаются вне внимания вышестоящих инстанций, и если судья начинает ссылаться на «разумный срок», аргументируя свои процессуальные действия в рамках данного «сверхлиберального» процессуального института, то, как правило, поддержки он никогда не находит. Главное – не нарушать точно определенных процессуальных сроков в системе судопроизводства. Более того, термин «разумный срок» вряд ли отражает традиционные правовые наименования в судебной процессуальной деятельности, сложившейся в нашей стране.

Консерватизм в развитии административного и административного процессуального права – в установлении и создании надлежащих *административных правовых порядков*, гарантирующих точное и в соответствии с законом (надлежащее) исполнение должностных обязанностей в системе всей государственной службы, эффективное исполнение административных функций, правильное осуществление исполнительно-распорядительной деятельности. Консерватизм, с моей точки зрения, должен гарантировать развитие эффективных управленческих процедур в системе государственного управления. То есть и в научных исследованиях наступает момент, когда правовая теория в меньшей степени может заботиться о способах разрешения *юридических конфликтов*, возникающих в сфере административных и иных публичных правоотношений и при осуществлении публичного управления. Как известно, в течение последних 25 лет произошла концентрация вни-

мания на *административной конфликтологии* (кстати, и других видов конфликтологии, например, *конституционной*)⁵⁸ и способах разрешения публично-правовых споров. Не подвергаю никакому сомнению, что и конфликтология – важнейшая и интересная часть административно-правовой теории. Но, может быть, нормы административного права в первую очередь должны гарантировать *бесконфликтную* административно-правовую среду и *бесконфликтное* взаимодействие всех участников правоотношений? Может быть, новейшими направлениями исследований и должны стать тематики по развитию потенциала *позитивного* публичного управления, функций, порядков и административных процедур? А проблемы известного либерального толка, связанные с *судебным примирением* и использованием медиативных юридических инструментов, вряд ли должны включаться в центр административно-правовой политики. Как видно, медиация в настоящее время как научная проблема достигла вершины научного внимания, но лишена на практике адекватных признаний и использования. Вместе с тем развитие и этого правового института (весьма значительно поддерживаемого и идеологически) тоже есть проявление либерального подхода в создании правозащитных механизмов и правил. Да, и сами судебные формы юридической защиты должны быть сопоставимы с масштабами и границами процессуального правового регулирования. Ученые, надеясь на большое будущее примирительных процедур, призывают повышать «уровень правовой культуры и правосознания конфликтующих сторон»⁵⁹. Однако, как известно, повышение правовой культуры и правосознания обычно приводит к активизации усилий по использованию судебных форм правовой защиты, традиционно используемой в системе судопроизводства. По мнению М. З. Шварца, «сейчас говорить и писать о медиации просто модно, но прижиться пока она не может. Юридические усилия для этого бессмысленны»⁶⁰. Доказанным фактом являет-

ся и малочисленность заключенных соглашений о примирении по делам, возникающим из административных правоотношений⁶¹. Иногда ученые, рассматривая принцип судебной защиты и принимая во внимание институт примирения сторон, делают вывод о «смещении вектора развития российского гражданского судопроизводства от состязательной его модели к модели либеральной»⁶². Вряд ли курс на повышение эффективности судебной защиты следует признавать движением в сторону либерализма, ибо такой общественный запрос находится в основе консервативной правовой политики, предоставляющей законодателю и правоприменителю возможности для осуществления базовых государственных функций и требований правовой государственности.

Консерватизм проявляется также в признании даже самой либеральной идеи политико-правового развития, но только после длительного и настоящего обсуждения, проведения научных форумов, согласований, моделирования правовых ситуаций, возникающих при включении в правовую систему предлагаемого нового правового института. В современных условиях полезно противопоставление прогрессивного консерватизма в выработке главных направлений правовой политики в области регламентации порядков рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, и административных процедур. Всякие новые полезные идеи и предложения по совершенствованию административно-правовых механизмов должны проходить апробацию в практике применения традиционных правовых механизмов. Невозможно не признать, что обсуждаемые вопросы сложны, ибо если, например, идет речь о создании или улучшении правовой защиты прав, свобод, законных интересов граждан и организаций, то здесь применимы *интернациональные* модели право-

⁵⁸ См.: *Третьяк И. А.* Конституционная конфликтология – новый раздел науки конституционного права // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 1. С. 30–34.

⁵⁹ *Загидуллин М. Р., Каримуллина А. Р.* К вопросу о принципах примирительных процедур // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 79.

⁶⁰ *Шварц М. З.* Высшая школа – это не клуб по интересам // Закон. 2023. № 1. С. 12.

⁶¹ См.: *Котлярова В. В.* К вопросу о заключении соглашений о примирении по делам, возникающим из публичных правоотношений // Мировой судья. 2022. № 10. С. 37. См. также: *Михайлова Е. В.* О правовой природе, принципах и правовом положении участников судебной примирительной процедуры // Государство и право. 2022. № 10. С. 18–30.

⁶² *Лебедев М. Ю.* Принцип судебной защиты как вектор развития современного российского гражданского судопроизводства (часть 2) // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 183.

вого установления *публичных интересов*⁶³ и правозащищающих порядков; ведь права и свободы, *законные интересы* – это наднационально-правовые категории и, как правило, с одним и тем же юридическим содержанием, а также необходимостью установления для них прочной государственной и общественной защиты. Здесь уместны и консервативные, и либеральные предпочтения в нормативном изложении указанных правоотношений; в данной сфере публичных правоотношений могут развиваться какие-то абстрактные и объединяющие воззрения на тот или иной административно-правовой институт, выделяя их значение в каждом конкретном случае.

Консерватизм правовой политики может отражаться и в установлении демократических административных порядков и обеспечении законности деятельности административных органов и должностных лиц. Например, консервативная правовая политика преобладала при реформе законодательства о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле, закончившейся принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Во второй главе данного закона установлены принципы государственного контроля (надзора), муниципального контроля (ст. 7–14). Они сформулированы по-новому, с глубоким содержанием, необходимым толкованием, расширением границ традиционного понимания контрольно-надзорной деятельности, но и, что очевидно, с учетом европейских стандартов осуществления административной деятельности, как то: законность и обоснованность; стимулирование добросовестного соблюдения обязательных требований; соразмерность вмешательства в деятельность контролируемых лиц; охрана прав и законных интересов, уважение достоинства личности, деловой репутации контролируемых лиц; недопустимость злоупотребления правом; соблюдение охраняемой законом тайны; открытость и доступность информации об организации и осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля; оперативность

при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля.

Соотношение консерватизма и либерализма в реализации административно-правовой политики выработывался и в соперничестве (порой, известном противостоянии) ученых-юристов и законодателя, принимавшего к рассмотрению новые законы или вносявшего в них изменения в соответствии с новой административно-правовой реальностью. Как известно, весь постсоветский период ученые «бежали» за реформаторами и законодателем; иногда отставали в выработке научных представлений о существе законотворческой деятельности, иногда бездействовали, а после принятия и вступления закона в силу одни начинали критиковать его нормы, другие – хвалить, третьи – никаким образом не реагировали на нововведения, полагая, что законодатель всегда прав. И впрямь (и это тоже нужно признать), некоторые институты и даже отрасли законодательства появлялись в юридическом пространстве при непосредственном влиянии исследователей на российского законодателя. В сущности, административная реформа (2003–2005 гг.), административно-процессуальная реформа (создание КАС РФ в 2015 г.), реформа государственного контроля и надзора (2020 г.) и некоторые другие стали следствием первоначального научного осмысления и формирования соответствующих предложений по изменению российского административного законодательства.

Административно-правовая политика – динамичная система предлагаемых к внедрению в сферу административных и иных публичных правоотношений правовых норм, которые спрогнозированы на основе уже реально существующих или точно имеющих перспективу возникновения запросов и требований в улучшении механизма административного правового регулирования с целью установления адекватных новым социально-государственным условиям институтов, правил, порядков и процедур. И снова, несмотря на простоту замысла и изложения, востребованными являются слова Ю. А. Тихомирова, которые важны для разработки административно-правовой политики, о первостепенном значении в будущем всемерной поддержки научно-технического творчества и признания приоритетного значения научных выводов и рекомендаций «при подготовке проектов базовых законов, основных управленческих ре-

⁶³ См.: Павлова М. Законные и публичные интересы в административном судопроизводстве в России: проблемы толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 5. С. 63–77.

шений и проектов преобразований в разных сферах»⁶⁴. Прогрессивное развитие сферы административных и иных публичных правоотношений, если учитывать смысл и направленность правового регулирования в данной области, характер связей и взаимодействий в ней, доминирующие принципы публичного правопорядка, необходимость выработки надлежащих порядков публичного управления и государственной юридической защиты. Однако все эти общие категории конституционно-правового уровня должны подкрепляться всегда конкретными административно-правовыми нормами, правилами, институтами, процедурами, которые в своем единстве и формируют эффективный механизм правоотношений. Правовая политика, содержащая известный консерватизм предлагаемых модернизаций, способна получить общественную поддержку и создавать полезные для правоприменительной практики юридические стандарты поведения, действий, принятия административных решений.

Осуществляемые в будущем административные реформы концептуально зарождаются в планируемых юридических стандартах административно-правовой политики, цель которой – улучшить публичное управление, гарантировать справедливость, обоснованность, целесообразность, общественную поддержку как масштабных результатов административного нормотворчества, так и индивидуальных административных правовых актов, базирующихся на потенциале законодательства об административных процедурах. Административное правовое регулирование испытывает на себе значительное воздействие со стороны политического процесса, многочисленных институтов политической власти и соответствующих процедур. Административное право как наука в глобальном плане исследует стратегические подходы и оперативные порядки изменения общего административного законодательства, которые основываются на обновленных приоритетах развития исполнительной власти, административной системы, взаимодействия органов публичной власти с гражданами и организациями, внедрения полезных технологий цифровизации и искусственного интеллекта в публичный правопорядок. При этом прогресс в сфере административных и иных публичных отношений достигается посредством актуализации административного законодательства и обеспечивается

усилиями по отстаиванию идей приверженности традиционным ценностям, правовым порядкам, социальным, нравственным и культурным учениям.

Библиографический список

Андреева Л. В. О кодексе публичных закупок : аргументы против его принятия // Предпринимательское право. 2023. № 1. С. 8–13.

Арановский К. В. Верховенство права в частных конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 6. С. 36–38.

Афанасьев С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственно интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 12–31.

Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Фикции в уголовной политике // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 72–87.

Белов В. А., Скворцов О. Ю. Справедливость vs свобода = право : антагонистическое противоречие и его решение (часть вторая) // Закон. 2023. № 3. С. 114–125.

Белоусов С. А., Соколов А. Ю. Правовая политика в сфере административного судебного процесса // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 110–122.

Велиева Д. С., Пресняков М. В. Правовая определенность и права человека : монография. Саратов : Саратов. источник, 2021. 401 с.

Волос А. А., Иванов А. А. Цифровизация и конституция // Закон. 2022. № 12. С. 34–45.

Гриценко Е. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4. С. 15–36.

Дедов Д. И. Право на справедливый суд : новые вызовы и возможности в условиях технологизации судопроизводства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 1. С. 38–45.

Добрынин Н. М. Правовое государство и социальная справедливость в условиях изменившегося миропорядка : сильные суждение о современной интерпретации «вечных конституционных идеалов» // Государство и право. 2022. № 11. С. 68–78.

Завгородняя А. А. Верховенство права в российской модели конституционализма и динамичное равновесие интересов в обществе // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 3–7.

Загидуллин М. Р., Каримуллина А. Р. К вопросу о принципах примирительных процедур // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 70–83.

⁶⁴ Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 14.

- Затулина Т. Н.* Государственное управление : современный вектор развития и реализация в цифровой парадигме публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 8–10.
- Зорькин В. Д.* Право против хаоса : монография. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2023. 536 с.
- Зубович М. М., Коршакова К. В., Томбулова Е. Г.* Гражданские процессуальные отношения : перспективы трансформации // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 2. С. 90–113.
- Клеандров М. И.* О единой «линейке» регулирования ответственности за право- и нормонарушения // Государство и право. 2022. № 10. С. 7–17.
- Князев С. Д.* Актуальные проблемы кодификации законодательства об административной ответственности в контексте решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2022. № 5. С. 12–19.
- Коблева М. М., Лусегенова З. С.* Актуальная методология понимания административной ответственности // Мировой судья. 2022. № 12. С. 26–33.
- Котлярова В. В.* К вопросу о заключении соглашений о примирении по делам, возникающим из публичных правоотношений // Мировой судья. 2022. № 10. С. 34–37.
- Кряжкова О.* Российский Конституционный Суд в 2022 году : под знаком стабильности // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 1. С. 113–127.
- Курочкин С. А.* Актуальные проблемы теории административного судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 4. С. 293–312.
- Лазарев В. В.* Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 5–19.
- Лаптев В. А., Соловяненко Н. И.* Цифровое правосудие. Цифровой документ : монография. М. : Проспект, 2022. 248 с.
- Лебедев М. Ю.* Принцип судебной защиты как вектор развития современного российского гражданского судопроизводства (часть 2) // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 160–189.
- Мартынов А. В., Бундин М. В., Ширеева Е. В.* Правовые и функциональные аспекты создания цифрового профиля креативного человека // Законы России : опыт, анализ, практика. 2022. № 11. С. 85–97 ; № 12. С. 62–68.
- Минбалеев А. В.* Понятие и природа цифрового права // Информационное право. 2022. № 4. С. 4–7.
- Михайлова Е. В.* О правовой природе, принципах и правовом положении участников судебной примирительной процедуры // Государство и право. 2022. № 10. С. 18–30.
- Нестеров В. М.* Направления дифференциации процессуальной формы рассмотрения дел об административных правонарушениях // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 60–65.
- Нудель С. Л.* Модернизация уголовной политики : проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 5–22.
- Павлова М.* Законные и публичные интересы в административном судопроизводстве в России : проблемы толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 5. С. 63–77.
- Подопригора Р. А.* Административные процедуры в Казахстане : новый этап // Немецкая доктрина административного права и становление института административных процедур в странах Центральной Азии : материалы междунар. конф., приуроченной к 45-летию со дня принятия Закона об административных процедурах Германии (Ташкент, 25 мая 2021 г.) // Ученые записки Института государства и права Академии наук Республики Узбекистан. 2021. Т. 1 / отв. ред. Л. Б. Хван. Ташкент : Niso Poligraf, 2022. С. 91–102.
- Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой.* М. : Проспект, 2022. 896 с.
- Правовое управление в кризисных ситуациях : монография / С. Б. Бальхаева, Х. И. Гаджиев, С. А. Грачева [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.* М. : Проспект, 2022. 280 с.
- Рассказова Н. Ю.* Школа навыков или школа знаний : каков путь российского образования // Закон. 2023. № 3. С. 147–148.
- Реформа организации публичной власти : основные направления реализации : монография / отв. ред. А. Е. Постников, Л. В. Андриченко.* М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 200 с.
- Романовский Г. Б., Романовская О. В.* О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 25–31.
- Россинский Б. В.* Исполнительная власть в системе государственного управления : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 376 с.
- Салтыков-Щедрин М.* Благонамеренные речи // Собр. соч. : в 10 т. М. : Правда, 1988. Т. 5. 576 с.
- Серков П. П.* К вопросу о показателях результативности юридической науки // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 3–10.
- Серков П. П.* Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики) : монография : в 2 ч. М. : Норма, 2023. Часть первая : Правовая доктрина и меры правовой политики. 872 с.
- Смоляков П. Н.* Некоторые общие проблемы административного, административно-деликтного и уголовного законодательства (правоприменение в период пандемии) // Российское правосудие. 2022. № 10. С. 18–24.

Солодилов А. В. Неправо : архаичная теоретическая конструкция или практический институт правового регулирования? // Российская юстиция. 2023. № 2. С. 3–16.

Стахов А. И. О некоторых мерах по автономизации и оптимизации административно-деликтного судопроизводства в Российской Федерации // Российское правосудие. 2021. № 3. С. 13–23.

Стахов А. И. Понятие и общая характеристика системы судебного административного процесса в Российской Федерации // Российское правосудие. 2023. № 3. С. 59–71.

Сырых В. М. Постмодернизм в теории права – пустоцвет на живом древе юридического знания // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 43–52.

Тихомиров Ю. А. Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 5–16.

Толкачев К. Б. Развитие конституционных основ российской правовой политики // Государство и право. 2023. № 2. С. 7–16.

Трезубов Е. С. Тенденции цифровизации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 5. С. 204–227.

Третьяк И. А. Конституционная конфликтология – новый раздел науки конституционного права // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 1. С. 30–34.

Фогельсон Ю. Социальная история российского права и возможность верховенства права в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 132–168.

Фокина М. А. К вопросу о некоторых концептах цивилистического процесса : итоги двух десятилетий // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 1. С. 15–43.

Хабриева Т. Я. Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 1. С. 5–12.

Чаннов С. Е. Применение права посредством цифровых технологий // Информационное право. 2022. № 2. С. 11–16.

Шишкина О. Е. Качество административно-деликтного законодательства сквозь призму конституционного требования формальной определенности закона // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 1. С. 10–25.

Штатаина М. А. Субъекты публичного управления в условиях цифровой трансформации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 1. С. 55–68.

Щварц М. З. Высшая школа – это не клуб по интересам // Закон. 2023. № 1. С. 8–14.

Щенникова И. И. Место цифрового права в системе российского права // Законодательство. 2023. № 3. С. 38–43.

Элерс Д. Развитие кодифицированного административно-процедурного права // Немецкая доктрина административного права и становление института административных процедур в странах Центральной Азии : материалы междунар. конф., приуроченной к 45-летию со дня принятия Закона об административных процедурах Германии (Ташкент, 25 мая 2021 г.) // Ученые записки Института государства и права Академии наук Республики Узбекистан. 2021. Т. 1 / отв. ред. Л. Б. Хван. Ташкент : Niso Poligraf, 2022. С. 66–90.

Янковский Р. М. Способен ли искусственный интеллект написать статью в юридический журнал? // Закон. 2023. № 3. С. 126–133.

References

Andreeva L. V. On the public procurement code : arguments against its adoption // Entrepreneurial Law. 2023. № 1. P. 8–13.

Aranovsky K. V. The rule of law in the particulars of constitutional justice // Journal of Constitutional Justice. 2022. № 6. P. 36–38.

Afanasiev S. F. To the problem of material and procedural legal personality of artificial intelligence // Bulletin of the civil process. 2022. Vol. 12, № 3. P. 12–31.

Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Fictions in criminal policy // Journal of Russian law. 2023. № 2. P. 72–87.

Belov V. A., Skvortsov O. Yu. Justice vs freedom = law : antagonistic contradiction and its solution (part two) // Law. 2023. № 3. P. 114–125.

Belousov S. A., Sokolov A. Yu. Legal policy in the field of administrative litigation // Journal of Russian Law. 2023. № 1. P. 110–122.

Velieva D. S., Presnyakov M. V. Legal certainty and human rights : monograph. Saratov : Publishing house «Saratov source», 2021. 401 p.

Volos A. A., Ivanov A. A. Digitalization and constitution // Law. 2022. № 12. P. 34–45.

Gritsenko E. The right to good governance in the context of digital transformation // Comparative constitutional review. 2022. № 4. P. 15–36.

Dedov D. I. The right to a fair trial: new challenges and opportunities in the context of technologization of legal proceedings // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. № 1. P. 38–45.

Dobrynin N. M. Legal State and Social Justice in the Conditions of the Changed World Order : Possible Judgment on the Modern Interpretation of «Eternal Constitutional Ideals» // State and Law. 2022. № 11. P. 68–78.

Zavgorodnyaya A. A. The rule of law in the Russian model of constitutionalism and the dynamic balance

of interests in society // Constitutional and municipal law. 2022. № 12. P. 3–7.

Zagidullin M. R., Karimullina A. R. On the issue of the principles of conciliation procedures // Bulletin of the civil process. 2022. Vol. 12, № 3. P. 70–83.

Zatulina T. N. Public administration : a modern vector of development and implementation in the digital paradigm of public power // Constitutional and municipal law. 2022. № 12. P. 8–10.

Zorkin V. D. Law against chaos : monograph. 3rd ed., revised. and additional. Moscow : Norma, 2023. 536 p.

Zubovich M. M., Korshakova K. V., Tombulova E. G. Civil procedural relations : prospects for transformation // Bulletin of the civil process. 2022. Vol. 12, № 2. P. 90–113.

Kleandrov M. I. On a single «line» of regulation of responsibility for law and norm violations // State and Law. 2022. № 10. P. 7–17.

Knyazev S. D. Actual problems of codification of legislation on administrative responsibility in the context of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Russian Justice. 2022. № 5. P. 12–19.

Kobleva M. M., Lusegenova Z. S. Actual methodology for understanding administrative responsibility // Justice of the peace. 2022. № 12. P. 26–33.

Kotlyarova V. V. On the issue of concluding agreements on reconciliation in cases arising from public legal relations // Justice of the Peace. 2022. № 10. P. 34–37.

Kryazhkova O. The Russian Constitutional Court in 2022 : under the sign of stability // Comparative Constitutional Review. 2023. № 1. P. 113–127.

Kurochkin S. A. Actual problems of the theory of administrative proceedings // Bulletin of the civil process. 2022. Vol. 12, № 4. P. 293–312.

Lazarev V. V. Legal science in the light of digitalization prospects // Journal of Russian Law. 2023. № 2. P. 5–19.

Laptev V. A., Solovyanenko N. I. Digital justice. Digital document : monograph. Moscow : Prospekt Publishing House, 2022. 248 p.

Lebedev M. Yu. The principle of judicial protection as a vector of development of modern Russian civil proceedings (part 2) // Bulletin of the civil process. 2022. Vol. 12, № 3. P. 160–189.

Martynov A. V., Bundin M. V., Shireeva E. V. Legal and functional aspects of creating a digital profile of a creative person // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2022. № 11. P. 85–97 ; № 12. P. 62–68.

Minbaleev A. V. The concept and nature of digital law // Information law. 2022. № 4. P. 4–7.

Mikhailova E. V. On the legal nature, principles and legal status of the participants in the judicial conciliation procedure // State and Law. 2022. № 10. P. 18–30.

Nesterov V. M. Directions of differentiation of the procedural form of consideration of cases on administrative offenses // Russian justice. 2022. № 3. P. 60–65.

Nudel S. L. Modernization of criminal policy : problems of legal regulation // Journal of Russian law. 2023. № 1. P. 5–22.

Pavlova M. Legitimate and public interests in administrative proceedings in Russia : problems of interpretation // Comparative constitutional review. 2022. № 5. P. 63–77.

Podoprigora R. A. Administrative procedures in Kazakhstan : a new stage // German doctrine of administrative law and the formation of the institution of administrative procedures in the countries of Central Asia. Proceedings of the international conference dedicated to the 45th anniversary of the adoption of the Law on Administrative Procedures of Germany (Tashkent, May 25, 2021) // Scientific notes of the Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. 2021. Vol. 1 // responsible. ed. L. B. Khvan. Tashkent : Niso Poligraf, 2022. P. 91–102.

The law of the digital environment : monograph / eds. T. P. Podshivalova, E. V. Titova, E. A. Gromova. Moscow : Prospekt, 2022. 896 p.

Legal management in crisis situations : monograph / S. B. Balkhaeva, Kh. I. Gadzhiev, S. A. Gracheva and others ; resp. ed. Yu. A. Tikhomirov ; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow : Prospekt, 2022. 280 p.

Rasskazova N. Yu. School of skills or school of knowledge : what is the path of Russian education // Law. 2023. № 3. P. 147–148.

Reform of the organization of public authority : the main directions of implementation : monograph / eds. A. E. Postnikov, L. V. Andrichenko. Moscow : Norma : INFRA-M, 2022. 200 p.

Romanovsky G. B., Romanovskaya O. V. On digital sovereignty // Constitutional and municipal law. 2022. № 9. P. 25–31.

Rossinsky B. V. Executive power in the system of public administration : monograph. Moscow : Norma : INFRA-M, 2023. 376 p.

Saltykov-Shchedrin M. Well-intentioned speeches : Collected. op. in ten volumes. Volume five. Moscow : Pravda Publishing House, 1988. 576 p.

Serkov P. P. To the question of indicators of the effectiveness of legal science // Russian justice. 2022. № 12. P. 3–10.

Serkov P. P. Legal relationship (Theory and practice of modern legal policy) : monograph : in two parts. Moscow : Norma, 2023. Part One : Legal Doctrine and Legal Policy Measures. 872 p.

Smolyakov P. N. Some general problems of administrative, administrative-tort and criminal legisla-

tion (law enforcement during a pandemic) // Russian Justice. 2022. № 10. P. 18–24.

Solodilov A. V. Wrong : an archaic theoretical construction or a practical institution of legal regulation? // Russian justice. 2023. № 2. P. 3–16.

Stakhov A. I. About some measures for autonomization and optimization of administrative and tort proceedings in the Russian Federation // Russian Justice. 2021. № 3. P. 13–23.

Stakhov A. I. The concept and general characteristics of the system of judicial administrative process in the Russian Federation // Russian Justice. 2023. № 3. P. 59–71.

Syrykh V. M. Postmodernism in the theory of law – a barren flower on the living tree of legal knowledge // Russian Justice. 2022. № 12. P. 43–52.

Tikhomirov Yu. A. Creative regulators in the legal and virtual space // Journal of Russian Law. 2023. № 3. P. 5–16.

Tolkachev K. B. Development of the constitutional foundations of Russian legal policy // State and Law. 2023. № 2. P. 7–16.

Trezubov E. S. Trends in the digitalization of the civil process // Bulletin of the civil process. 2022. Vol. 12, № 5. P. 204–227.

Tretiak I. A. Constitutional conflictology – a new section of the science of constitutional law // Journal of Constitutional Justice. 2022. № 1. P. 30–34.

Fogelson Yu. Social history of Russian law and the possibility of the rule of law in Russia // Comparative constitutional review. 2022. № 6. P. 132–168.

Fokina M. A. To the question of some concepts of the civil process : the results of two decades // Bulletin of the civil process. 2023. Vol. 13, № 1. P. 15–43.

Khabrieva T. Ya. Technological imperatives of the modern world and law // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. № 1. P. 5–12.

Channov S. E. Application of law through digital technologies // Information law. 2022. № 2. P. 11–16.

Shishkina O. E. The quality of administrative and tort legislation through the prism of the constitutional requirement of the formal certainty of the law // Journal of Constitutional Justice. 2023. № 1. P. 10–25.

Shtatina M. A. Subjects of Public Administration in the Conditions of Digital Transformation // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. Vol. 19, № 1. P. 55–68.

Shvarts M. Z. Higher school is not an interest club // Law. 2023. № 1. P. 8–14.

Shchennikova I. I. The place of digital law in the system of Russian law // Legislation. 2023. № 3. P. 38–43.

Ehlers D. Development of codified administrative procedural law // German doctrine of administrative law and the formation of the institution of administrative procedures in the countries of Central Asia. Proceedings of the international conference dedicated to the 45th anniversary of the adoption of the Law on Administrative Procedures of Germany (Tashkent, May 25, 2021) // Scientific notes of the Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. 2021. Vol. 1 / responsible. ed. *L. B. Khvan*. Tashkent : Niso Poligraf, 2022. P. 66–90.

Yankovsky R. M. Is artificial intelligence capable of writing an article in a legal journal? // Law. 2023. № 3. P. 126–133.

Воронежский государственный университет
Стариков Ю. Н., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки Российской
Федерации, декан, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права
E-mail: juristar@vmail.ru

Поступила в редакцию: 14.11.2022

Для цитирования:

Стариков Ю. Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 7–32. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/7-32>

Voronezh State University
Starilov Yu. N., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Dean, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law
E-mail: juristar@vmail.ru

Received: 14.11.2022

Recommended citation:

Starilov Yu. N. Conservatism of the legal policy as a guarantee of progress in the sphere of administrative and other public legal relations // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 7–32. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/7-32>